

Возражать красноармейцу, что это не село, а казачий хутор, никто из собравшихся не стал, и дедков как ветром сдуло от правления. Разбежались, ковыляя по давно ставшим родными улицам и проулкам. Про сёдла зря было указано в приказе. Их ещё в предыдущем 1918 году полностью изъяли из всех дворов. Потому ни одного седла со всего хутора к совету и не принесли. Да и оружие покидали на расстеленный брезент перед бывшим хуторским правлением только для отвода глаз. Знали, что обыски производить не будут и что с противоположного берега Донца бинокли направлены на улицы хутора Михайловского. Сыновья высматривали, как там оставленные ими родители и меньшие члены семьи ходят по базам и чем занимаются, да и не шалят ли с ними красноармейцы. Но всё было спокойно, как будто и не было войны.

Дружная весна вызеленила берега Северского Донца и скрыла все хуторские строения. Маскироваться никому не нужно уже было, а только прятаться в прибрежных лесах. Если наблюдатели с белоказачьей стороны видели дым, исходящий от полевых кухонь, расположенных в зарослях, то туда летели снаряды, и обед отменялся. Зато потом красные командиры дали приказ попрятать полевые кухни за казачьи курени, а по своим жилищам казаки-артиллеристы гундоровской тяжёлой батареи стрелять не стали. Да и особо нечем было. На пять снарядов, выпущенных батареями красных войск, пришлось отвечать только одним. Снаряды берегли на случай, если пришлось бы пресекать форсирование реки, и такое случилось на пасхальной неделе 1919 года.

Красное командование решило прощупать оборону пеших казачьих сотен возле хутора Швечикова и отправил отборный отряд форсировать реку. Скорее всего, надеялись, что пасхальные торжества порушат оборону станичников и те потеряют бдительность. Так поначалу и получилось. Отряд красноармейцев беспрепятственно переправился у резкого поворота Донца именно там, где с вечера слышны были звуки пьяной гульбы и наяривала гармошка.

Жестоко заплатились казаки дальней заставы за свою беспечность. Никого из них не пощадили нападавшие, но и им самим удача не способствовала. Вверх и вниз по течению реки два красных батальона начали расширять плацдарм и уже дошли до крайних куреней хутора Швечикова, как тут из-за бугра выскочили резервные казачьи сотни и, развернувшись в лаву, понесли вниз на не закрепившихся на берегу красноармейцев. Тем только и осталось, что пятиться к реке. Пришлось не солоно хлебавши вернуться им с большими потерями на левый берег. Больше подобных попыток не предпринималось.

Приближалась страдная пора, и нужно было сеять на своих полевых наделах и обрабатывать огороды. Казакам сама жизнь напоминала, что сначала они земледельцы, а потом уже воины.

Командиры белоказачьего гундоровского оборонительного района считали по-другому и всех способных держать в руках лопаты и другой шанцевый инструмент отправили на рытьё окопов на правом высоком берегу Донца. Казаки, игнорируя правила

фортификации, старались плодородные участки земли не уродовать, а всё больше копать по полевым дорогам и закрайкам выделенных хуторянам наделов. При этом разговоры в окопах шли об одном и том же:

- Не земледелием занимаемся, а землеройством каким-то. И так ясно, что здесь краснюки не полезут. Либо по равнинной части сверху по течению реки от Большого Суходола и выше, либо ближе к станице Каменской.

Разговоры в окопах пресекались угрозами телесных наказаний за смуту в боевых порядках. В тот год такие наказания распространились как никогда.

Били дезертиров за уклонение от военной службы, отпускали по десятку горячих отказникам от гужевой

чему обильно проливать пот и новыми мозолями обзаводиться, раз такие неправильные порядки установились.

Мало-помалу река стала настоящей нейтральной полосой, и опытные фронтовики видели в этом даже определённые преимущества. Никто по такой полосе не поползёт и секреты не выставит. Колючую проволоку тоже посередине водной глади не растянуть. Ночами любой всплеск на версту слышен. К тому же налетевшие тучи водоплавающей дикой птицы — это такие бдительные сторожа, которые от любого шороха вверх поднимались. Охотничьи сердца не выдерживали, и начиналась пальба с двух берегов. Казаки стреляли из старых берданок, а красные, без особой пользы, — из своих винтовок. Подранков из воды

Через месяц все плавсредства были отремонтированы и подготовлены к форсированию реки, а караульные казаки строго следили за тем, чтобы ни одна лодочка не пересекала Северский Донец. Особое расстройство это доставило заядлым рыбакам. Впервые они были вынуждены обойтись без весеннего вылова рыбы. Но жизнь-то была дороже!

Разруха царил во всех отраслях жизни на Дону, но оказалось, что водное хозяйство продолжало работать, как и в мирное время. Шлюзы на Северском Донце весной 1919 года после завершения половодья были привычным порядком закрыты. Сделано это было для того, чтобы не допустить переправ через реку по многочисленным бродам при сильно мелеющей летом реке. Но, конечно, никто и не думал возобновлять речное судоходство. Его даже представить было нельзя. Левый берег был занят красными войсками, а правый контролировался белоказачьими. Таких смелых и бесшабашных капитанов в Донском пароходстве не оказалось, да и сами речные суда из затонов под Ростовом вверх по течению не поднимались. Впервые более чем за сто лет был приведён в нерабочее состояние паром, работавший до войны напротив хутора Михайловского, и даже железные канаты перетаскивали и сматывали в бухты на правой стороне. Шутники-красноармейцы, хоронясь в прибрежных кустах, кричали:

- Давай паром!

Такие же зубоскалы из казаков им отвечали:

- Плывите сюда сами! Вас никто на Донец к нам не звал! Скоро вниз по течению все кверху пузом поплывёте до самого Ростова.

Когда шутки заканчивались, в ход шла прицельная стрельба. Одному из острых на язык красноармейцев не повезло, и его шутка оказалась последней в жизни. После этого взаимные оскорбления и крики прекратились, да и за бесцельное использование патронов штрафовали и на той, и на другой стороне.

В один из первых дней июня казаки, находившиеся в наблюдательном пункте, устроенном на самом высоком месте над Северским Донцом, вдруг перестали замечать признаки нахождения красных войск на левом берегу реки. Переплывший её на своём чудом сохранившемся каюке дед Фома Малов радостно объявил встретившим его на косе казакам:

- Все красные войска ушли, до единого, и всех раненых из лазарета забрали.

Но целые сутки никто в хутор Михайловский не переправлялся. Боялись. А вдруг всё ещё изменится?

Сергей Сполох,

член Союза писателей России

Примечание: Все иллюстрации, использованные в настоящей статье, взяты из архива автора и общедоступных источников.



Купюра, выпущенная Донским правительством в 1918 году.



Плакат красных войск. 1919 год.

повинности, то есть тем, кто отказывался давать свои подводки и лошадей на перевозку военного имущества для фронта. Раскладывали на широких лавках у хуторских правлений распространителей ложных слухов и под шумок тащили туда же местных ворюшек и нечистых на руку мелких жуликов, наводнивших прифронтовую полосу.

Имущество наживалось годами, а расставаться с ним приходилось в минуту, и в этом красные от белых несильно-то и отличались. В этом казакам не раз пришлось убедиться.

В тот год, боясь всевозможных реквизиций и продразвёрсток, гундоровцы и на правом, и на левом берегах Донца посеяли, как они говорили, только для себя. Посчитали, что не к

доставать было опасно, но и то умудрялись. Где охотничьих собак пускали, а где и сами на долбёнках добычу забирали. С обеих сторон по занимавшимся этим делом не стреляли. Понимали, что в ротный или в сотенный котёл шли такие трофеи. А в тот год никого особо сытно не кормили.

В байдачный куток хутора Швечикова перегнали лодки всех видов с окрестных селений, и таким образом получилась целая флотилия. Чтобы её сохранить, лодки по распоряжению казачьего командования перетаскивали в глубь леса и стали их ремонтировать. Понимая, что за работы идут на противоположном берегу, красные стали постреливать из винтовок для острастки и даже выпустили несколько снарядов, но особого ущерба не нанесли.

